

Гости «ВК»

тист выезжает от компании?

Ю. Е. Совсем другое дело. Если едут от компании, то она несет ответственность. Мы всегда ездили с солидными импресарио, которые предоставляли нам выходные дни и помогали провести их с толком. Когда мы ездили в Париж, то посмотрели всю Францию, все музеи. Французы говорили: «Только одних вас интересует, на какой кровати спал Людовик. Нашим месье и мадам это совершенно не интересно».

А. Д. Кстати, в Париже много пьяных и бомжей. У нас, по-моему, и то меньше. Причем тамошние ничем не отличаются от наших, только пьют в основном вино.

— Франция произвела на вас самое сильное впечатление?

А. Д. Ну почему же? В любой стране много необычного и удивительного. На-

которого в нашей стране помнят.

А. Д. А во Франции, чтобы выразить свой восторг, приходил Жан - Поль Бельмондо, и мы вместе сфотографировались на память. Когда показываю друзьям эти снимки, они спрашивают: «А где ты его муляж достал?» У нас привыкли фотографироваться рядом с изображениями Ельцина или Горбачева, вот и удивляются: «Неужели там муляж Бельмондо стоит на улице?»

— Бывала ли неожиданной для вас реакция публики, когда вы начинали с ней общаться?

А. Д. Бывала. Вытаскиваю в Италии человека из публики, а он что-то мне с экспрессией говорит. Я потом спрашиваю: о чем это он толковал? Отвечают: «Тебе лучше этого не знать»... Всяко бывало, и пьяные на арену вываливались. Но до драки дело не доходило.

— Как вы избрали эту странную профессию?

А. Д. У меня не было, как говорится, «другой» альтернативы. С детства, лет с пяти, мечтал стать клоуном. Родителей это забавляло, потом они пытались меня образумить, мол, если станешь артистом цирка, то серьезным, например, акробатом. Когда поняли, что ситуация осложняется, начали запрещать. Но я все равно занимался клоунадой в самодеятельности и поступил в училище.

Ю. Е. А я в 65-м году поступил прямо в старый цирк, здесь была студия клоунады. Прочулся немного, в армию забрали. Вернувшись из армии, женился и вроде бы оставил клоунаду. Но однажды возвращался после работы мимо училища, увидел объявление о приеме, зашел и до сих пор не могу выйти.

— У вас сохранились связи с артистами других, ныне суверенных, республик?

А. Д. Я сам из «другой» республики — Украины. Вообще-то удивительно получилось: стал теперь иностранцем, 20 лет отработал здесь, а прописан в Киеве. И в Киеве мне говорят: «Ты пенсию будешь получать там, где работаешь», а здесь говорят: «А ты за пенсией обращайся туда».

— Давно выступаете вдвоем?

Ю. Е. Всю жизнь.

— На манеже вы и фокусы показываете, и жонглируете, откуда что берется?

Ю. Е. Есть клоуны-умельцы, которые могут и на руках ходить, и сальто - мортале делать. Есть клоуны-артисты.

— А вы себя к кому относите?

Ю. Е. Наверное, больше к актерской братии. Чтобы достать из шляпы петуха, особого умения не требуется.

А. Д. Мы, кстати, своего петуха взяли совсем цыпленком. Однажды Юрка испугался, что шляпой раздавил нашего «партнера». И публика тоже сперва подумала, что ей показывают дохлую птичку. А теперь, когда мы своего петуха запикиваем в шляпу, он нрав проявляет, сопротивляется.

Интервью взяла Алла ТУЧКОВА.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

23

Александр ДИАМАНДИ, Юрий ЕРМАЧЕНКОВ:

«Клоунов долго отучали говорить на арене. Вот мы и работаем молча»

Юрий Никулин заявил: «Они мне очень нравятся. Они смешные, а это в клоунах главное. Рад, что они работают у нас в программе». Они — это клоуны Александр Диаманди и Юрий Ермаченков, которые каждый вечер выходят на арену цирка на Цветном бульваре. Казалось бы, слой грима, покрывающий лица коверных, непроницаем. Но если внимательно приглядеться...

— Где, на ваш взгляд, клоуны лучшие — у нас или за границей?

А. Д. Наша школа клоунады намного превосходит все иностранные. Но беда в том, что нашу клоунаду долгое время просто душили. Когда мы только-только приехали работать в Москву, директор цирка - шапито, бывший завхоз, спросил: «А вы на манеже разговариваете?» Мы ответили: «Да». Он огорчился: «Это плохо, этого делать нельзя!»

Ю. Е. Началось с того, что убрали буффонаду, она исчезла как жанр. Может, и есть где-нибудь несколько номеров, но никто об этом не знает. Потом из клоунады совершенно выдавили сатиру — то, чем славилась русская школа.

— Но почему сейчас-то клоуны не разговаривают на арене, где их репризы? Что мешает?

А. Д. Залы стали большими, плохо слышно. Вообще причин много. Разговорный жанр медленно, но верно уходит с манежа.

— Значит, цирк переживает сейчас не лучшие времена?

А. Д. А иного и ждать не приходится. Сейчас зарплата народного артиста — примерно на уровне мойщика подвижного состава. И цирк глохнет; умирают большие номера. Теперь выгодно сделать маленький номерок и поехать с ним за границу. Пусть в третьеразрядный цирк, пусть в самый заштатный, даже в ресторан, лишь бы за рубеж.

Ю. Е. Сейчас хорошие клоуны дома, как правило, не работают: подписывают контракты и уезжают «за бугор». Идет отток наших артистов на Запад, причем задешево.

А. Д. Моего знакомого менеджера беспрерывно просят: «Отправь за границу, хоть на пять долларов в день». Не понимают, что там на эти деньги ничего не купишь, будешь нищим и голодным.

— И каковы там условия жизни таких «добытчиков»?

А. Д. Не позавидуешь. Жи-

вут в вагончиках, после представления хозяин в целях экономии выключает свет, и наши «легионеры» сидят при свечке. А тамошние артисты «автономные»: у них хорошие автокараны, у них передвижные электростанции. Наши же, как правило, отправляются без всего. Порой такие, с позволения сказать, гастрольи заканчиваются кошмаром.

Какой-нибудь лихой импресарио нанимает в России артистов, вывозит за границу. Начинает разочаровываться (в доходах) и бросает труппу без средств к существованию. И этим бедолагам даже пожаловаться некому. Чтобы подать в суд на импресарио, надо быть материально независимым.

— А посольства наши этим жертвам помогают?

Ю. Е. В посольствах им тоже денег не дают.

А. Д. В Югославии мы с Мерденовым как-то пришли в посольство — пригласить на представление. Увидя нас, дипломаты забеспокоились: «Что вам надо?» И дверь не открывают. Отвечаем: «Мы артисты российского цирка, пришли к вам почитать российские газеты». Нас впустили. «Вы, — говорят, — не представляете, что здесь творится...». Действительно, мы видели соотечественников, которые регулярно ходят в консульство с просьбами: самые настоящие бомжи. Остается загадкой, как они выбираются обратно, в Россию.

— Это не артисты цирка?

А. Д. Нет, но это наши сограждане!

— Вы рассказывали о частном контракте. А если ар-

пример, австралийцы поразили нас любовью ко всякой живности. Они устраивали демонстрации протеста по поводу того, что наши дрессировщики держат животных в клетках. По австралийским меркам у зверя должна быть жилая площадь определенного метража. Заставляли наших обзавестись специальными клетками. Для российских медведей это настоящие хоромы. Но все равно австралийцы писали на плакатах: «Не ходите их смотреть! Вы уйдете домой, а бедные русские медведи останутся в клетках». Один из демонстрантов наряжался в медведя, другой в злого дрессировщика, который лупил бедного «зверя» кнутом — перед дворцом спорта, где мы работали... Правда, зрители на наши представления все же ходили, были аншлаги.

Ю. Е. А меня восхитило то, что там в реках до сих пор водятся крокодилы. У нас давно бы всех перебили. Причем водятся не в заповедных, а в обычных реках, только табличка висит — «Не купаться: крокодилы!»

А. Д. А в Индии мы столкнулись с очень оригинальными суждениями о людях. Например, там считают, что толстый человек — обязательно богатый, поскольку у него есть возможность много есть, а худой — непременно бедный. Поэтому Юра казался индийцам бедняком, над которым все издеваются, а я — миллионером... Вообще такого успеха, как в Индии, у нас больше нигде не было. У нас времена Лигачева, очереди за водкой меньше были, чем в Индии за билетами в цирк.

— Кто-нибудь из знаменитостей приходил на ваши представления?

Ю. Е. Например, приходил за кулисы Радж Капур, актер,

